

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2025.3.11>

UDC 141.111
LBC 87.12

Submitted: 18.08.2025
Accepted: 02.09.2025

**“FIGURATIO ARISTOTELICI PHYSICI AUDITUS” BY GIORDANO BRUNO:
MNEMONIC LISTS AND ARISTOTLE’S POLEMICS WITH PARMENIDES
AND MELISSUS BASED ON BRUNO’S SIX “POINTS” (“PARTES”)**

Lev I. Titlin

Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract. The article presents the first translation into a modern European language (Russian) of an excerpt from the work of Giordano Bruno “Figuratio aristotelici physici auditus ad eiusdem intelligentiam atque retentionem per quindecim imagines explicanda” (Paris, 1586; hereafter “Figuratio”). The translated excerpt includes the dedication to Pietro Dalbene, in which Bruno sets out his methodology for engaging with Aristotle; the mnemonic lists (in sections II–VII); “The Division of General Philosophy”; “The Division of the Philosophy of Nature”; the Introduction; and the first four sections of the first chapter of Book I. In the introductory article accompanying the translation, general information is provided about Bruno’s “Figuratio”, and the books of “Figuratio” are correlated with the books of Aristotle’s “Physics”. Six lists that Bruno presents as tools of his mnemonic technique are analysed, and the principle underlying their construction is identified. An attempt is made to interpret the symbolism of the list in section V. Introductory remarks are given on Bruno’s art of memory, particularly in comparison with his treatise “On the Shadows of Ideas”. The scheme of the “unified subject” is examined in detail, showing that it represents an image of a human being used as part of Bruno’s mnemonic system for storing large amounts of information. The six partes (“parts”, translated as “points”), which, according to Bruno’s interpretation, form the basis for Aristotle’s polemic with Parmenides and Melissus, are discussed in detail. These points concern the notions of “being”, “the one”, “the immovable”, “the principle”, the phrase “being is one”, and the Eleatic mode of argumentation. Aristotle’s arguments against Parmenides and Melissus are analysed, and their reception in Bruno’s text is demonstrated. The translation is accompanied by extensive commentary. Passages from the translated fragment are correlated with V. P. Karpov’s Russian translation of Aristotle’s “Physics”. The translation is based on the edition: Iordani Brvni Nolani. Opera Latine conscripta. Vol. I. Pars IV. Florentiae: Le Monnier, 1889.

Key words: “Physics”, Aristotle, Parmenides, Melissus, principle, mnemonics, one.

Citation. Titlin L.I. “Figuratio Aristotelici Physici Auditus” by Giordano Bruno: Mnemonic Lists and Aristotle’s Polemics with Parmenides and Melissus Based on Bruno’s Six “Points” (“Partes”). *Logos et Praxis*, 2025, vol. 24, no. 3, pp. 95–118. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2025.3.11>

**«ИЗОБРАЖЕНИЕ ЛЕКЦИЙ О ФИЗИКЕ АРИСТОТЕЛЯ» ДЖОРДАНО БРУНО:
МНЕМОТЕХНИЧЕСКИЕ СПИСКИ И ПОЛЕМИКА АРИСТОТЕЛЯ
С ПАРМЕНИДОМ И МЕЛИССОМ ИСХОДЯ ИЗ 6 «ПУНКТОВ» («PARTES»)**

Лев Игоревич Титлин

Институт философии РАН, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Статья содержит первый перевод на современный европейский язык (русский) фрагмента сочинения Джордано Бруно «Изображение лекций о физике Аристотеля в пятнадцати образах, которое необходимо изложить для ее усвоения и удержания в памяти» (“Figuratio aristotelici physici auditus ad eiusdem intelligentiam atque retentionem per quindecim imagines explicanda”. Париж, 1586; далее – “Figuratio”), а именно: посвящение Петру Дальбениу, в котором Бруно излагает свою методологию обращения к Аристотелю, мнемонические списки (в разделах со II по VII), «Деление общей философии», «Деление философии природы», «Введение» и первые четыре раздела первой главы первой книги. Во вступительной статье к переводу дана общая информация о сочинении Бруно, книги “Figuratio” соотнесены с книгами «Физики» Аристотеля. Проанализированы 6 списков, которые Бруно приводит в качестве инструмента своей мнемонической техники, выявлен принцип построения этих списков. Сделана попытка раскрыть символизм списка из раздела V. Дана вводная информация о мнемоническом «искусстве» Бруно, в частности в сопоставлении с таковым в его трактате «О тенях идей». Охарактеризована схема «единого предмета», показано, что она представляет собой изображение человека, использовавшееся как элемент системы мысленного способа фиксации больших объемов информации. Подробно раскрыты 6 «partes» («частей»), которые переводчик обозначает словом «пункты», исходя из которых в интерпретации Бруно Аристотель полемизирует с Парменидом и Мелиссом (как понимается «сущее», «единое», «неподвижное», «первоначало», фраза «бытие есть единое», способ аргументации элеатов), проанализирована аргументация Аристотеля против Парменида и Мелисса и продемонстрирована ее рецепция в тексте Бруно. Перевод сопровождается развернутым комментарием. Отрывки переведенного фрагмента соотнесены с русским переводом «Физики» Аристотеля, осуществленным В.П. Карповым. Перевод выполнен по изданию: Iordani Brvni Nolani. Opera Latine conscripta. Vol. I. Pars IV. Florentiae : Le Monnier, 1889.

Ключевые слова: «Физика», Аристотель, Парменид, Мелисс, первоначало, мнемотехника, единое.

Цитирование. Титлин Л. И. «Изображение лекций о физике Аристотеля» Джордано Бруно: мнемотехнические списки и полемика Аристотеля с Парменидом и Мелиссом исходя из 6 «пунктов» («partes») // Logos et Praxis. – 2025. – Т. 24, № 3. – С. 95–118. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2025.3.11>

Сочинение «Изображение лекций о физике Аристотеля в пятнадцати образах, которое необходимо изложить для ее усвоения и удержания в памяти» (“Figuratio aristotelici physici auditus ad eiusdem intelligentiam atque retentionem per quindecim imagines explicanda”,

Париж, 1586¹, далее – “Figuratio”) входит в корпус латинских трудов Джордано Бруно, посвященных учению Аристотеля², и представляет собой компендиум «Физики», предваренный оригинальной системой прикладной мнемоники³. К этому же корпусу также от-

¹ До настоящего времени в публичном доступе сохранилось четыре оригинальных экземпляра книги: в Национальной библиотеке в Турине, Национальной библиотеке в Париже, Бодлианской библиотеке в Оксфорде и Библиотеке Смитсоновского института в Вашингтоне [Figuratio Aristotelici... web]. Один из этих четырех экземпляров (из собрания специалиста по книговедению и старым изданиям Жана Виардо) до недавнего времени можно было свободно приобрести в Интернете.

² П.Р. Блум отмечает, что нет никаких свидетельств, что Бруно владел греческим языком. Текстуальные совпадения между средневековым переводом Аристотеля [Aristotelis... 1962] и цитатами Бруно убедительно показывают, что он всегда пользовался латинским текстом [Blum 2016, 17–18].

³ Подробно о мнемонической системе, использованной Бруно в “Figuratio”, см.: [Matteoli 2015].

носятся «Сто двадцать тезисов о природе и мире против перипатетиков» (“Centum et viginti articuli de natura et mundo adversus peripateticos”. Париж, 1586), опубликованные позднее в расширенном виде под заглавием «Слушания⁴ в Камбре, или аргументы, изложенные в виде тезисов, о физике против перипатетиков» (“Cameroacensis Acrotismus seu rationes articulorum physicorum adversus peripateticos”. Виттенберг, 1588) и «Разъясненные книги о физике Аристотеля» (“Libri physicorum Aristotelis explanati”)⁵.

“Figuratio” в настоящее время исследована недостаточно: по запросу “figuratio aristotelici” базовый поиск ресурса academia.edu выдает только одну статью: [Matteoli 2015]. Если говорить о монографиях, рассматривающих критику Бруно Аристотеля в целом, то нам известна только книга [Blum 2016]. Переводов “Figuratio” на европейские языки нет. Мы пытаемся исправить эту ситуацию первым переводом фрагмента трактата на русский язык, что может послужить в дальнейшем более глубокому исследованию трактата. Перевод, приводимый после вступительной статьи, выполнен по изданию [Bruno 1889].

В XVI в. происходил слом и преодоление всей аристотелевской парадигмы. Новаторская система Бруно (недаром Джованни Мочениго, отдавший Бруно в руки инквизиторов, на допросе утверждал, что тот был намерен создать секту под названием «новая философия»⁶) находилась в русле того же мировоззренческого сдвига. Упомянутые выше сочинения о физике Аристотеля были призваны уничтожить жесткий аристотелевский космос и вылезти из его скорлупы.

Бруно критиковал Аристотеля во многих своих сочинениях, в частности в «О бесконечности, вселенной и мирах», «Пир на пепле», «О причине начале и едином»⁷, но он интересен своим сдержанным и в то же время рациональным подходом: в отличие от Патрици, который, по выражению А.Х. Горфункеля, поставил «задачу разрушить до основания твердыню аристотелизма» [Горфункель 1977, 161], Бруно пытался использовать как Платона, так и Аристотеля, хотя и больше склонялся к платонизму. Вот что он пишет в трактате «О тенях идей»: «...мы можем пользоваться без справедливых обвинений в явных противоречиях, если нам удобно, платоническими терминами и руководствоваться платонической интенцией, если она нам помогает. Если же интенции перипатетиков способствуют большему выражению сути этого искусства, они, разумеется, будут также использованы» [Бруно 2024, 59–60]. И далее: «Таким образом тем, кто хочет предпринять великие дела новых открытий, не будет достаточно школы одного Аристотеля или Платона». «...В целом же мы используем учения разных философов только затем, чтобы яснее изложить смысл нашего открытия» [Бруно 2024, 60].

“Figuratio” Бруно состоит из 5 книг. Первая из них не имеет заглавия и соответствует 1-й книге «Физики» Аристотеля, вторая – 2-й и 3-й, третья – 4-й, четвертая – 5-й и 6-й, пятая (с которой по неизвестной причине в оригинальном издании начинается новая нумерация) – 7-й и 8-й (о чем сообщается в самом тексте Бруно) [Тоссо 1889, 104].

Сочинение начинается с посвящения Пьеро дель Бене⁸, в котором Бруно обозна-

⁴ Слово “acrotismus” отсутствует в словарях латинского языка. Оно может быть производным от греческого “ἀκρόασις”, что переводится как «слушание, речь, лекция», или же от “ἀκρότης” – «вершина», «высшая степень», «верх», тогда его можно переводить как «диспут». Однако напомним, что то, что мы знаем под именем аристотелевской «Физики» в дошедших до нас рукописях именуется “Φυσικῇ ἀκρόασις”, или «Лекции о физике», в латинских переводах – “Naturalis auscultatio”. Бруно в “Figuratio” называет «Физику» “De physica auscultatione”. То есть словом “auscultatio” Бруно также переводил греческое “ἀκρόασις”, из чего можно сделать вывод, что “acrotismus” также означает «лекцию».

⁵ Было опубликовано только в составе издания [Bruno 1891]. Как отмечает П.Р. Блум [Blum 2016, 24], сочинение представляет собой комментарий на первые 5 книг «Физики» Аристотеля, на 4-ю книгу «Метеорологии» и на трактат «О возникновении и уничтожении». См. также: [Zaffino 2015, 853].

⁶ Такая терминология не редка для эпохи, которая была новаторской во многих отношениях. Так, Франческо Патрици, также рьяный антиперипатетик, в 1591 г. обнародует свою «Новую всеобщую философию».

⁷ Русский перевод этих сочинений см. в книге: [Бруно 1949].

⁸ В тексте – Петру Дальбению, аббату Бельвиля. Пьеро дель Бене продвигал интересы Генриха Наваррского в окружении Генриха III. Ему же Бруно посвятил диалоги о циркуле Ф. Морденте.

чает замысел своего сочинения и свой метод – изложить учение Аристотеля наиболее непредвзято и точно, чтобы даже самые большие невежды (при этом зачастую называющие себя перипатетиками) могли его адекватно воспринять и только после этого подвергать концепции Аристотеля критической проверке и суждению.

После посвящения следуют 6 списков, служащих в качестве опоры для мнемонического метода, использованного Бруно в этой работе.

Вначале Бруно обозначает 15 ключевых тем, которые он будет рассматривать в своем сочинении. Они включают в себя: главу (*principis*⁹), первоначало (*principii*), материю (*materiae*), форму и лишенность [формы] (*formae et privationis*), природу (*naturae*), причину (*causae*), судьбу и случай (*fortunae et casus*), движение (*motus*), бесконечность (*infiniti*), место (*loci*), пустоту (*vacui*), время (*temporis*), характеристики движения (*dicibilium de motu*), первое движение (*primi motus*) и перводвигатель (*primi motoris*).

Второй список представляет собой 15 предметов, которые могут быть использованы для легкого запоминания вышеназванных ключевых тем, к каждому из которых также добавлен приложенный образ (*apposita*), то есть помощники или сопутствующие субъекты.

Главу перипатетиков обозначает «олимпийское древо», то есть олива, символ победителей, ему сопутствует земледelec, как тот, кто возделывает поле науки. Первоначало (первопринцип) – Минерва (она обозначает здесь творящий принцип), покровительница ремесленников, писателей, поэтов, художников, творцов в целом, поэтому ей сопутствует каменщик. Материю символизирует Фетида – морская нимфа, представляющая собой универсально изменчивое существо, и ей сопут-

ствует моряк. Форму – Аполлон, как символ всего упорядоченного, которому соответствует врач (Аполлон является покровителем медицины), лишенность – Атропос, старшая из трех мойр, перерезающая нить жизни и таким образом «лишающая» упорядоченного бытия, ее помощник – ткач. Природу символизирует «высший Пан» – самый «природный» бог Античности и его спутник – художник, отражающий природу на своих полотнах. Причину как таковую (*causam per se*) обозначает образ судьбы, или рока (*fatum*), спутник которой – возница (движение колесницы и ее повороты символизируют судьбу); акцидентальную причину (*causam per accidens*) – образ Фортуны (*Fortuna*), которой сопутствует бегун, движущийся гораздо более свободно, чем колесница; движение – Купидон вместе с лучником (любовь является главной движущей силой видимого мира, а движение – главный принцип физики Аристотеля); бесконечность – Юнона, как богиня, имеющая власть над небом в широком смысле, сопровождаемая птицеловом¹⁰; место (*locum*) – Хаос, сопровождаемый дураком, или шутком, потому что мир как нечто упорядоченное, космос, возникает из Хаоса, а дурак – отрицает всякий порядок; пустоту – Орк (подземный мир) в сопровождении копателя; время – Сатурн (бог, традиционно покровительствующий времени) в сопровождении некроманта¹¹; характеристики движения – оружие Купидона вместе с кузнецом, который выковал это оружие; первое движение – Целий (*Caelius*), то есть небо, вместе с гончаром (небо приводится в движение перводвигателем подобно гончарному кругу); перводвигатель – Юпитер, как верховный бог римского пантеона, вместе с творцом, или зодчим (*architector*), здесь Юпитер сравнивается с христианским богом-творцом физического мира.

⁹ Этот раздел не соответствует никакой теме философии Аристотеля, а обозначает самого Аристотеля как «главу» перипатетиков и соотносится с «*Propositum*» (своеобразному предисловию, в котором Бруно дает общее рассмотрение физики Аристотеля).

¹⁰ «*Aucers*». Символика ловли или выслеживания птиц (*аусиро*) как аллегория философского исследования встречается и в трактате Бруно «О тенях идей» [Бруно 2024, 48]. Очевидно, речь идет именно о птицах (а не о разных видах охоты в целом), потому что в поздней традиции Юнона покровительствует населенному живыми существами воздуху (*аер*), то есть тому, что находится ниже эфира.

¹¹ Сатурн как бог времени, упадка и, следовательно, смерти покровительствует некромантии.

Каждая из 15 тем, рассматриваемых Бруно, может занимать в изложении не более 10 разделов (*articuli*, см.: [Matteoli 2015, 341; Bruno 1889, 138]). Каждый из 10 возможных разделов чем-то символизируется: единица – родителем (единым началом); двойка – купидонами, символом взаимного желания; тройка – тремя Харитами; четверка – сыновьями, как первым «множеством» в этом списке; пятерка – рабами; шестерка – работниками; семерка – девами; восьмерка – предводителями (*duces*); девятка – музами (древнегреческая мифология традиционно насчитывала именно такое количество муз); десятка – сенаторами, символизирующими полноту.

Десять разделов, упомянутых выше, обозначены на символической схеме, носящей название «Изображения единого предмета» («*Typus unius subiecti*», см. иллюстрацию 1 ниже). Первый раздел на схеме обозначен цифрой 1 (область без углов), второй – контурами изображения (линией, линия имеет две точки, ее ограничивающие), третий – треугольником под цифрой 3, четвертый – квадратом (цифра 4), пятый – пентаграммой (цифра 5), шестой – звездой Давида (цифра 6, 6 вершин), седьмой (цифра 7) – треугольником (3 вершины) в квадрате (4 вершины), восьмой (цифра 8) следует рассматривать как две фигуры, имеющие по 4 вершины, – квадрат и ромб, две фигуры под номером 9 – как 3 треугольника, и, наконец, десятую (цифра 10) можно посчитать так: круг (1 элемент), 6 секторов и 4 линии (итого 10).

Эта схема похожа на изображение человека, и даже на «витрувианского человека». Первый раздел (цифра 1) – обозначен просто местом (*locus*). Второй – «внешним видом» (*habitus*). Треугольник (3) обозначает голову, 4 – правую руку (хотя, почему-то, находится в центральной части изображения), 5 – левую руку (находится слева по отношению к зрителю), 6 – грудь человека (почему-то справа), 7 – живот (действительно в центральной час-

ти изображения), 8 – бедро (располагается ниже живота), две девятки – колени (еще ниже), и, наконец, 10 – ноги (в самой нижней части изображения).

Каждому из 10 разделов относятся, или служат (*pertineat*): месту – живое существо, внешнему виду – образ одевания (*indumentatio*), голове – ее орудия (*armamentum eius*), правой руке – инструмент, левой – дело, груди – отличительный признак, животу – претерпевание, бедрам – действие, коленям – мастерская, ногам – материя, или материал (*materia*)¹².

Все эти сложные соответствия служат построению комплексной мнемонической системы, направленной на запоминание идей «Физики». Подробно об этом можно прочитать в статье [Matteoli 2015].

Раздел под названием «Деление общей философии» рассказывает о делении философии на три части (физику, математику и метафизику) и об их соответствующих предметах. «Деление натуральной философии», то есть «физики», перечисляет разделы учения Аристотеля о физике и сочинения, которые туда входят.

После этого следует «Введение» (*propositum*) об общих идеях «Физики» Аристотеля. После «*Propositum*» идет раздел I, который в общем и целом соответствует I главе I книги «Физики» Аристотеля. Раздел II рассказывает о том, что разные древние философы признавали разные по количеству и качеству первоначала, упоминаются Парменид, Мелисс, Фалес, Диоген, некий Гиппарх, Платон, Эмпедокл, Анаксимен, Демокрит, Анаксагор. Короткий раздел III не слишком нагружен в смысловом отношении. В нем Бруно сообщает, что Аристотель делит всех философов, учивших о первоначале, на две группы: одни говорили естественно (*naturaliter*), а другие неестественно (*innaturaliter*). Разделы II и III приблизительно соответствуют главе II книги I «Физики».

¹² Если изложить мнемоническую систему Бруно очень кратко, то можно сказать, что для запоминания, например, «Физики» Аристотеля нужно представить некое пространство (атрий), которое будет разделено на соответствующее число (15) атриев (помещений), символизирующих 15 основных тем, в каждом из которых может быть размещена комната в форме персонажа, как на иллюстрации 1, поделенная на 10 разделов. Части этой комнаты также могут отмечаться соответствующими фигурами-образами, скажем, людей, к каждому из которых могут быть «приложены» одеяние, орудия, инструменты, некие отличительные признаки и т. д. Эта система весьма схожа с той, которую мы имеем в трактате «О тенях идей» [Бруно 2024].

Наиболее интересный раздел IV фокусируется на тех философах, которые говорили «неестественно» (*innaturaliter*), то есть на Пармениде и Мелиссе. «Неестественность» для Аристотеля в учении элеатов состоит в том, что они называют «всё» или «сущее» единым, то есть занимаются не физикой («естественным»), а метафизикой или метанаукой (Физика А II 184b26-185a1).

В разделе IV Бруно выделяет шесть «partes», которые мы обозначаем словом «пункты», исходя из которых, в его интерпретации, Аристотель полемизирует с Парменидом и Мелиссом: «Во-первых, [аргументация идет] в части “сущего”, во-вторых, в части “единого”, в-третьих, в части “неподвижного”, в-четвертых, в части “первоначала”, в-пятых, в части этого комплексного [высказывания] “бытие есть единое”, в-шестых, в части способа аргументации [Парменида и Мелисса]»¹³.

I. Первый пункт: «...у них спрашивается, каким образом они понимают сущее. Имеется ли в виду только субстанция, или что-то из рода акциденций, или комплекс, состоящий из субстанции и акциденции? Если субстанция, то или полная, как человек или лошадь, или неполная, как душа?»¹⁴. Этот отрывок является прекрасным примером, как в Средние века передавалась терминология Аристотеля на латинском языке. Так, слово “οὐσία” («сущность») Бруно передает как “substantia”, “συμβεβηκός” (акциденция, случайный признак, или то, что В.П. Карпов в своем переводе «Физики» называет «свойством по совпадению») – как “accidens”. Аристотель опровергает три варианта: 1. Сущее не может быть «комплексом, состоящим из субстанции и акциденции», потому что тогда сущее будет многим. 2. Только акциденцией оно быть не может, потому что акциденции не существуют отдельно от субстанций.

3. Если же оно будет только субстанцией, то не сможет быть ни конечным (как утверждал Парменид), ни бесконечным (как говорил Мелисс), так как не будет иметь свойств (акциденций). Интересно, что Бруно добавляет фразу, отсутствующую у Аристотеля: «или неполная, как душа?». «Первую субстанцию» по Аристотелю Бруно называет полной, а «вторую» – неполной (видимо, потому, что душа здесь рассматривается без тела и в силу этого неполна).

II. Второй пункт: «...спрашивается, почему они называют [сущее] единым. Исходя из его непрерывности? Исходя из его неделимости? Исходя из его определения?»¹⁵. Аристотель понимает «единое» в трех смыслах: 1. Как непрерывное (неделимое физически) – например, человека нельзя разделить пополам, чтобы при этом сохранился «единый» человек. 2. Как неделимое по форме или по виду – например, капли вина или воды будут иметь тот же вид, что и вино или вода вообще. Сюда же Аристотель относит неделимость по родам и видам: вода, масло, вино суть что-то одно («жидкости»), лошадь, человек, собака входят в род «живых существ». 3. Как неделимое по определению (логосу) или по сущности (οὐσία). Сюда относятся сами определения (например, «человек – живое существо»), а также случаи, когда мы имеем один денотат и разные определения: «хмельной напиток» и «вино» означают одно и то же, «верхняя одежда» и «плащ» – одно и то же (Физика А II 185b9).

Бруно идет прямо по трем смыслам «единого» у Аристотеля. По поводу первого он замечает, что единое как непрерывное будет бесконечно множественным, так как непрерывное, согласно Аристотелю, бесконечно делимо («Разве непрерывное не бесконечно делимо и, следовательно, не содержит в себе бесчисленных частей?»¹⁶). И продолжает: «А если даже единое неделимо, то оно не будет ни конечным,

¹³ “...Primo ex parte entis, secundo ex parte unius, tertio ex parte immobilis, quarto ex parte principii, quinto ex parte huius complexi Ens est unum, sexto ex parte argumentationis modi” [Bruno 1889, 146].

¹⁴ “...Petitur ab eis quomodo accipiunt ens. Nunquid pro signifianda substantia tantum, an pro aliquo accidentium genere, an pro complexo ex substantia et accidente? Si pro substantia, num pro completa, ut homine aut equo, an pro incompleta, ut anima?” [Bruno 1889, 146].

¹⁵ “...Petitur ab eisdem quomodo dicunt unum. Continuitate? Indivisibilitate? Ratione? Verbi praedicativi ablatione?” [Bruno 1889, 146–147].

¹⁶ “Nonne continuum est in infinitum divisibile, ideoque innumeras continens partes?” [Bruno 1889, 147].

ни бесконечным»¹⁷. Здесь он сокращает и без того сжатый аргумент Аристотеля: «Но если [брать единое] как неделимое, оно не будет ни количеством, ни качеством и сущее не будет ни бесконечным, как утверждает Мелисс, ни конечным, как говорит Парменид, ибо неделима граница, а не ограниченное» (Физика А II 185b17-19) [Аристотель 1981, 64]. Если сущее неделимо, то оно не является количеством, так как количество предполагает делимость. Оно также не является качеством, так как оно просто (не множественно, не включает в себя предикатов). Оно также не будет бесконечным, потому что как конечность, так и бесконечность подразумевают количество. К этому Аристотель добавляет, что неделимость – свойство только границы тела (например, той сферы, которой считал бытие Парменид), бесконечное же не имеет границ по определению.

Третий смысл «единого» по Аристотелю Бруно трактует в отношении синонимии и поясняет, что единство сущего «по определению» будет означать в буквальном смысле совпадение всего со всем: «исчезнет противоположность добра и зла, противоречивость добра и недобра, отличие человека от коня, субстанции от акциденций, человека от белизны»¹⁸ и т. д.

К трем смыслам «единого» у Аристотеля Бруно добавляет два схоластических приема создания абстрактных существительных: 1) «устранение предикативного глагола» (*verbi praedicativi ablatione*), например, из стандартного высказывания «Сократ есть мудрый», со-

стоящего из субъекта («Сократ»), предиката («мудрый») и предикативного глагола-связки «есть» мы «устраиваем» глагол и получаем «мудрость Сократа»; 2) «преобразование глагола в именную форму» (*conversione verbi in denominativum*). Деноминатив в данном случае – это именная форма. Например, в высказывании «Сократ идет» (“Socrates it”) мы берем глагол «идти» – “eo”, и преобразуем его в именное абстрактное существительное («деноминатив») – “itus” – «хождение». Благодаря этим двум приемам мы можем получать универсалии типа «верхняя одежда» из примера выше или более абстрактные и объявлять их тождественными («единными») другим понятиям.

Бруно завершает обсуждение третьего пункта фразой «Ибо они не знали, по какому основанию различать на многое то, что одно в субъекте»¹⁹, и что потенциальное различается на многое²⁰, будучи одним в акте»²¹, не имеющей прямого соответствия в тексте Аристотеля. Она означает, что к субъекту могут относиться разные предикаты, что не делает его множественным, также возможна множественность субъекта в потенции, которая актуально становится единством.

III. Третий пункт: «...мы утверждаем, что они не различают неподвижность по месту от других видов неподвижности, поскольку нельзя не учитывать другие движения, которые обычно обозначаются именем изменения»^{22,23} подразу-

¹⁷ “Nunquid non unum indivisibile nec finitum esse potest nec infinitum?” [Bruno 1889, 147].

¹⁸ “...Unum idem faciet contraria bonum et malum, contradictoria bonum et non bonum, et diversa hominem et equum, substantiam et accidens hominem et albedinem, albedinem et bicubitum?” [Bruno 1889, 147].

¹⁹ Ср.: «Между тем существующее есть многое или по определению (например, одно дело быть бледным, другое – быть образованным, а один и тот же предмет бывает и тем и другим, следовательно, единое оказывается многим)» (Аристотель. Физика А II 185b32-35) [Аристотель 1981, 64].

²⁰ Ср.: «...Ведь единое существует и в возможности, и в действительности» (Аристотель. Физика А II 186a3) [Аристотель 1981, 64]. В оригинальном тексте использованы термины *δύναμις* и *ἐντελέχεια* соответственно. См.: [Aristotle’s Physics 1936, 124]. По мнению Аристотеля, Парменид и Мелисс не понимали, что единое и многое могут быть совмещены в одной вещи, но не актуально, а только в потенции. Кроме того, субъект может иметь разные определения: «бледный», «разумный» и т. д. – и в этом смысле оказываться «многим».

²¹ “Nesciebant enim rationem distinguere in plura quod unum est subiecto, et potentia distingui in plura quae unum sunt actu” [Bruno 1889, 147].

²² Аристотель в оригинальном тексте говорит, что, хотя оппоненты признают неподвижность всего сущего, ничто не мешает ему двигаться, например, круговым движением, как и любому физическому предмету. См.: (Аристотель. Физика А II 186a17-19).

²³ “Quod ad tertium, arguuntur non distinguentes immobilitatem secundum locum ab aliis immobilitatis speciebus, cum tolli nequeant alii motus qui nomine alterationis communiter designantur” [Bruno 1889, 147].

мекает, что в рамках аристотелевской системы единое может иметь движение, потому что движение не обязательно должно быть перемещением из точки А в точку В.

IV. Четвертый пункт: «Что касается четвертого, то [Аристотель спорит с Парменидом и Мелиссом] потому, что они не различают начало во времени и продолжительности от начала по величине и массе, а также потому, что они считают, что первоначально и сущее – это одно и то же»²⁴. Ни первая, ни вторая его часть не имеет соответствий в тексте Аристотеля. У.Д. Росс реконструирует аргументацию Мелисса следующим образом: все, что возникает, имеет пространственное начало (то есть ту часть, которая возникла первой) и пространственный конец, но поскольку сущее не имело временного начала, оно не имеет и пространственного начала. Следовательно, оно бесконечно [Aristotle's *Physics* 1936, 472]. Текст Бруно подтверждает реконструкцию Росса.

V. Первая часть пятого пункта («что касается пятого, то [он возражает], с одной стороны, потому, что они не находят середины между сущим как таковым²⁵ и ничто»²⁶), по-видимому, является суммированием сложной системы аргументации против Парменида в: (Физика А III 186a25-b14). Если понимать сущее только в одном смысле, как Парменид, отсюда, считает Аристотель, следуют логические несоответствия: 1. Сущее может быть либо акциденцией, либо субстанцией. (А) Если сущее – акциденция, то должна быть и субстанция, следовательно, есть

множественность. (В) Если сущее – акциденция, то то, что от нее отлично (субстанция), – будет не-сущим. 2. Если сущее – субстанция, то (А) должна быть акциденция, а значит, есть множественность. (В) Если сущее – субстанция, то акциденция будет не-сущим. Все варианты ведут к опровержению концепции Парменида.

Парменид, с точки зрения Аристотеля, отрывал сущее как субстанцию от ее акцидентий. Ошибку Парменида яснее всего сформулировал Симпликий: «Парменид следовал недостоверным аргументам и был введен в заблуждение тем, что в его время еще не было выяснено: о многозначности [сущего] никто и понятия не имел, лишь Платон впервые ввел различие двух значений; никто не различал субстанциально сущего и акцидентально сущего» [Лебедев 1989, 281].

Вторая часть V пункта («...если они соглашаются, что оно может быть определено, оно по необходимости окажется делимым на определенные части»²⁷) не отсылает напрямую к какому-либо месту из Аристотеля, но, по-видимому, имеет в виду общую мысль Аристотеля, что, если мы даем какие-то определения единому, как то делает Парменид (неподвижное, шарообразное, конечное и т. д.), оно оказывается делимым²⁸. Здесь важна игра латинских слов «определять» (*definire*) и «определенные части» (*partes definitivae*).

VI. Шестой пункт состоит из двух частей. Первая – «Что касается шестого, то [Аристотель] оспаривает их аргументы как по форме аргументации, поскольку они идут против логики, так и по существу, поскольку они выдвигают лож-

²⁴ «Quod ad quartum, tum quia non distinguunt principium temporis et durationis a principio magnitudinis atque molis, tum etiam quia idem dicebant principium et ens» [Bruno 1889, 147].

²⁵ В тексте «ens simpliciter». Здесь мы используем терминологию Аристотеля в переводе В.П. Карпова.

²⁶ «Quod ad quintum, tum quia non invenerunt medium inter ens simpliciter atque nihil...» [Bruno 1889, 147]. Ср.: «Если, таким образом, сущее как таковое не принадлежит ничему другому, а все [остальные] вещи принадлежат ему, почему сущее, как таковое, будет означать в большей мере сущее, чем не-сущее?» (Аристотель. Физика А III 186a37-b7) [Аристотель 1981, 66].

²⁷ «...Si posse definiri concedant, necessario in partes definitivas distribuunt oportet» [Bruno 1889, 147]. Ср.: «...Целое скорее уясняется чувством, а общее есть нечто целое, так как общее охватывает многое наподобие частей. То же самое некоторым образом происходит и с именем в отношении к определению: имя, например, «круг» обозначает нечто целое, и притом неопределенным образом, а определение расчленяет его на составные части» (Аристотель. Физика А I 182a20-b13) [Аристотель 1981, 61].

²⁸ Как пишет Аристотель, «...если [брать единое] как неделимое, оно не будет ни количеством, ни качеством» (Аристотель. Физика А II 182b17-b18) [Аристотель 1981, 64].

ные утверждения...»²⁹ – является пересказом фразы Аристотеля: «одно у него оказывается ложным, другое – неверно выведенным» (Физика А III 186a25) [Аристотель 1981, 65] – и фактически подводит итог рассуждений, изложенных нами при анализе V пункта. Вторая содержит краткую сумму учений сначала Мелисса: «То, что возникло, имеет первоначало, следовательно, то, что является невозникшим, у того нет первоначала»³⁰; если нет первоначала, то нет и конца; сле-

довательно, оно бесконечно, следовательно, оно неподвижно, поскольку у него нет ничего, куда оно могло бы двигаться. Следовательно, оно также едино, поскольку не допускает ничего внешнего»³¹ [Bruno 1889, 147–148], а затем Парменида: «Все, что кроме сущего, есть небытие; но то, что не есть бытие, есть ничто; следовательно, сущее едино; если оно едино, то оно неподвижно; ведь ему некуда двигаться. И он постулировал конечное единое»³².

**Джордано Бруно. Изображение лекций о физике Аристотеля,
изложенное в пятнадцати образах с целью ее усвоения и удержания в памяти
(фрагмент)**

Джордано Бруно Ноланца

Изображение лекций о физике Аристотеля в пятнадцати образах,
которое необходимо изложить для ее усвоения и удержания в памяти

Славному и преподобнейшему
господину Петру Дальбению,
аббату Бельвиля

Джордано Бруно Ноланец
посвящает и шлет привет.

Я хотел бы, чтобы другие приняли во внимание, что я взялся за эту задачу, чтобы пролить свет на намерения Аристотеля в соответствии с их возможностями и главным образом по трем причинам. Первая из них заключается в том, чтобы не показалось, что со мной произошло то же, что и с некоторыми литераторами, которые, укрепленные безрассудным невежеством в сочетании с некоторой самонадеянностью, узурпировали место критика в тех вопросах, к которым они абсолютно не имеют никакого отношения; что, как я думаю, было сделано во вред многим изучающим [Аристотеля], поскольку представляется рассудительнее ошибаться с утонченным Аристотелем³³ или с кем-то из глав софистов (что способствует остроте интеллекта), чем иметь возможность самым бесполезным образом испускать природный ослиный крик с глупцами такого рода. Вторая причина, которая привела меня к этой [работе], заключается в том, что из столь большого числа тех, кто хвастается собой не только в качестве философов, но и ради большего самовосхваления еще и в качестве перипатетиков, я вижу очень мало тех, для кого этот вид достойной восхищения науки не является результатом невежества, действующего на основании веры в авторитет, а основывается на мышлении, различающем основания, выведенные из его принципов. Ибо (в силу врожденного свойства большинства) простые

²⁹ “Quod ad sextum, arguuntur tum quantum ad argumentandi formam, quia paralogizant, tum etiam quantum ad materiam, quia propositiones falsas adsumunt” [Bruno 1889, 147].

³⁰ Ср.: «...он думает взять за основу, что если все возникшее имеет начало, то невозникшее его не имеет» (Аристотель. Физика А III 186a11-12) [Аристотель 1981, 65].

³¹ Точного соответствия у Аристотеля нет.

³² Точного соответствия у Аристотеля нет. Ср.: (Аристотель. Физика А III 187a1-10).

³³ Аллюзия на выражение “Amicus Plato, sed magis amica veritas” («Платон мне друг, но истина еще больший друг»). См.: [Бабичев, Боровский 1982].

люди обычно предпочитают скорее восхищаться, взращивать и высоко ценить темные фантазмы, как бы возникшие во мраке, восторгаясь, лелея и расцеловывая зудящую область воображения, чем воспринимать сияющие лучи истины, которая более подобающим образом наполняла бы их.

По этой причине мы скорее решили помочь им некоторым образом посредством бедности мышления (*inopiae sensus*) (которая в них весьма примечательна), чем навязывать им – по нашему мнению – чужое богатство. Третье намерение, которое сподвигло меня этому [труду], состоит в том, чтобы, как они утверждают, я не оказался смелым насмешником над величию глубоких вещей, нанеся этим какую-либо обиду, а откровенным и законным спорщиком относительно того, что мне открыто (мне кажется, я рассуждаю справедливо). Разве нет? Когда я располагаю рассматриваемый вопрос под номером ³⁴, я располагаю его в порядке, не упускаю ничего, что составляет его истинную причину, не скрываю ничего из его основания (*ratione*), никогда не пропускаю ничего, что ведет к его подтверждению; иногда также, насколько требует важность вопроса, добавляю что-либо не без искренности и, наконец, старательно перечисляю все, что может способствовать его подтверждению, прежде чем смогу думать о критической проверке и суждении. Ибо я считаю, что не только я, но и всякий другой должен совершать [все] это тщательным образом, поскольку в [моем] духе и способностях (которые я имею наравне с другими) не только исследовать и раскрыть мышление человека такого авторитета, но также (щедрость богов сделала это присущим именно мне) рассуждать, принимать решения и определять в отношении истинности этого мышления. Здесь я разъяснил темные высказывания, собрал воедино разбросанные повсюду смыслы и разложил вселенную на части, которая до этого была подобна бесформенному детенышу медведицы ³⁵. Нет тайн, известных одному Аристотелю, нет даров, обещанных одному Александру ³⁶, нет трудов, опубликованных многими, словно они не были опубликованы ³⁷, если здесь нет двусмысленностей, нет окольных путей сомнений, нет клубков запутанных загадок, когда-либо сплетенных вместе. И если это так, то твое участие будет в том, о достойнейший муж, чтобы по милости, дарованной тебе божественными музами, ты мог судить о рассматриваемом предмете острым умом, который ты имеешь, защищать его авторитетным учением, в котором ты превосходен, и сохранять посредством исключительнейшего авторитета, каким ты обладаешь. Будь здоров.

Джордано Бруно Ноланец

О пятнадцати образах, в которых изображены лекции о физике [Аристотеля]

Раздел I

Конечно, тем же методом, которым мы учим тебя изображать восемь книг «Физики» [Аристотеля], ты очень легко сможешь изобразить и любые другие. Поэтому, разумеется, ты сможешь назвать это искусство не только относящимся к этому делу (то есть к изображению книг физики. – *Л. Т.*), но и помогающим в нем, когда сможешь легко соотнести его с 30 печатями и выберешь из них либо художника, либо скульптора ³⁸; хотя это [искусство] не должно быть и лишенным определенной особой силы (*facultate*).

³⁴ Бруно имеет в виду, очевидно, расположение ключевых принципов философии Аристотеля в соответствии с номерами, см. списки ниже в разделах II, III, IV, V, VI, VII.

³⁵ В Античности было распространено представление, что медведица рождает бесформенное потомство, которое затем вылизывает и тем самым принимает ему форму. В христианстве эту идею интерпретировали как метафору духовного становления личности во Христе.

³⁶ Имеется в виду Александр Македонский как самый «титулованный» из учеников Аристотеля.

³⁷ То есть непонятных.

³⁸ Мнемоническая система «Figuratio» основывается на системе 30 печатей, которая представлена в трактате Бруно «Изъяснение тридцати печатей» («*Explicatio triginta sigillorum*») 1583 года. «Печатами» Бруно называет определенные искусственно созданные образы, предназначенные для запоминания той или иной информации. «Художник» и «Скульптор» – это 12-я и 13-я «печати» соответственно, символизирующие адепта «искусства» Бруно.

Раздел II

Здесь, во-первых, для твоего понимания общего предмета, представлен известный перечень (nota) пятнадцати частных предметов, а именно:

- I. Глава (Principis).
- II. Первоначало (Principii).
- III. Материя (Materiae).
- IV. Форма и лишенность (Formae et Privationis).
- V. Природа (Naturae).
- VI. Причина (Causae).
- VII. Судьба и случайность (Fortunae et casus).
- VIII. Движение (Motus).
- IX. Бесконечность (Infiniti).
- X. Место (Locī).
- XI. Пустота (Vacui).
- XII. Время (Temporis).
- XIII. Характеристики движения (Dicibilium de motu).
- XIV. Первое движение (Primi motus).
- XV. Перводвигатель (Primi motoris).

Раздел III

Во-вторых, их образные представления (figurativa) выбраны потому, что:

- I. Главу (Principem) символизирует олимпийское древо.
- II. Первоначало – Минерва³⁹.
- III. Материю – Фетида⁴⁰.
- IV. Форму обозначает Аполлон, лишенность – Атропос⁴¹.
- V. Природу обозначает высший Пан⁴².
- VI. Причину саму по себе – Судьба (Fatum).
- VII. Акцидентальную причину – Фортуна (Fortuna).
- VIII. Движение – Купидон.
- IX. Бесконечность – Юнона.
- X. Место (Locum) – Хаос.
- XI. Пустоту – Орк.
- XII. Время – Сатурн.

³⁹ Богиня мудрости, аналогичная греческой Афине.

⁴⁰ Морская нимфа (нереида), дочь Нерее. По некоторым преданиям – дочь кентавра Хирона. А.Ф. Лосев пишет, что она представляла своего рода русалку и имела нижнюю часть туловища, покрытую чешуей. И то и другое подчеркивает ее многосоставную природу [Лосев 1996, 56]. Избегала брака с Пелеем, превращаясь в огонь, воду, льва, змею, а согласно Овидию, в птицу, дерево и тигрицу, что для Бруно, очевидно, символизирует материю, принимающую на себя любые формы. Мать Ахилла. Согласно поэту Ликофрону, погубила шесть своих сыновей в огне, проверяя их на бессмертие. Седьмым и единственным выжившим был Ахилл. У многих авторов выступает также метафорой моря в целом. В трактате «О тенях идей» Бруно упоминается и другая нереида – «Амфитрита света» [Бруно 2024, 89], которая также у поэтов выступает метафорой «моря». В отличие от Фетиды, она супруга самого Посейдона и поэтому у Бруно символизирует не материю, высшее единое бытие. Общее между ними – способность принимать любую форму, порождая бесчисленное множество вещей мира.

⁴¹ Атропос, или Атропа (греч. Ἀτροπός, букв. «неотвратимая»), – одна из трех мойр (богинь судьбы) в греческой мифологии, которым в Риме соответствовали парки. Символизирует смерть как неотвратимый финал судьбы.

⁴² Пан – древнегреческий бог-покровитель земледелия, пастушества, плодородия и дикой природы. Сын Гермеса, что важно в контексте того, что философия Бруно является в значительной степени пропитанной герметизмом.

XIII. Характеристики движения – оружие Купидона.

XIV. Первое движение – Целий⁴³.

XV. Перводвигатель – Юпитер.

Раздел IV

В-третьих, поясняется приложенное к образам, где:

I. Рядом с олимпийским деревом находится земледелец.

II. Минерве помогает каменщик.

III. Фетиде – моряк.

IV. Аполлону – врач, Атропос – ткач.

V. Пана сопровождает художник.

VI. Судьбу – возница.

VII. Фортуны – бегун.

VIII. Купидона – лучник.

IX. Юнону – птицелов.

X. Хаос – дурак.

XI. Орк – копатель.

XII. Сатурна – некромант.

XIII. Оружие Купидона – кузнец.

XIV. Целия – гончар.

XV. Юпитера – зодчий.

Раздел V

В-четвертых, для числа разделов, которых не более десяти, обстоятельно разбираются десять видов, прилагаемых к предметам⁴⁴, где:

Родитель обозначает одно.

Купидоны обозначают два.

Хариты обозначают три.

Сыновья обозначают четыре.

Рабы обозначают пять.

Работники обозначают шесть.

Девы – семь.

Предводители – восемь.

Музы – девять.

Сенаторы – десять.

Раздел VI

В-пятых, те, которые либо относятся к человеку (*circa individuum*)⁴⁵, либо находятся рядом с человеком, обозначают более простые части разделов, где:

Место обозначает первую часть.

Вторую – внешний вид.

⁴³ Маттеоли отмечает, что Бруно имеет в виду Урана, то есть небо (“Caelius” в буквальном переводе – «небесный») [Matteoli 2015, 344].

⁴⁴ В тексте “subiectis”. В контексте искусства памяти Бруно можно переводить также и как «субъекты», к которым относятся «прилагаемые». См.: [Бруно 2024, 30].

⁴⁵ Опять же, имеется в виду фигура-схема (например, как на иллюстрации 1 ниже), чувственно представляющая ту или иную информацию.

Третью – голова.
 Четвертую – правая рука.
 Пятую – левая рука.
 Шестую – грудь.
 Седьмую – живот.
 Восьмую – бедро.
 Девятую – колени.
 Десятую – ноги.

Раздел VII

Эти более простые части формируются в шесть⁴⁶ [элементов] таким образом, что:
 К месту относится живое существо (animal).
 К внешнему виду – образ одеяния.
 К голове – его орудие (armamentum).
 К правой руке – инструмент (organum).
 К левой руке – дело.
 К груди – отличительный признак (insigne).
 К животу⁴⁷ – претерпевание.
 К бедру – действие.
 К коленям – мастерская.
 К ступням – материал (materia).

ИЗОБРАЖЕНИЕ ЕДИНОГО ПРЕДМЕТА

[состоящего из] десяти разделов, из которых первый состоит из одной, второй из двух, третий из трех, четвертый из четырех, пятый из пяти, шестой из шести, седьмой из семи, восьмой из восьми, девятый из девяти и десятый из десяти более простых частей.

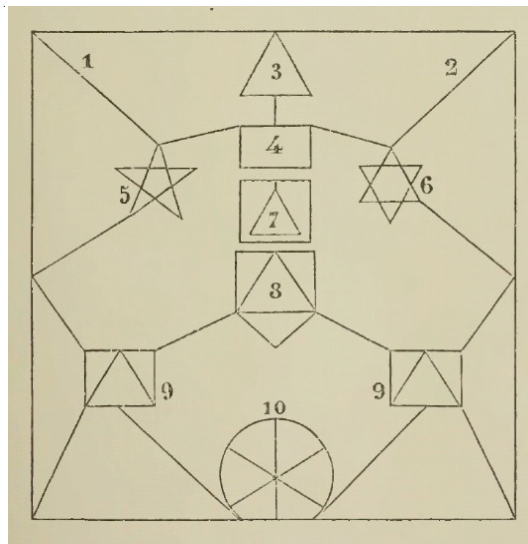

Иллюстрация 1

⁴⁶ В издании [Bruno 1889] опечатка – “sesta” вместо “sexta” в оригинальном издании. При этом в действительности перечислены 10 пунктов.

⁴⁷ В тексте “Ad Venerem” – к Венере. Очевидно, это опечатка вместо “Ad ventrem” (к животу), так как в списке выше после «груди» следовал «живот».

ДЕЛЕНИЕ ОБЩЕЙ ФИЛОСОФИИ

Созерцательная философия делится на три части: физику, математику и метафизику⁴⁸. Первая говорит о естественных вещах, вторая – о срединных, третья – о божественных. Первая – о тех вещах, которые случаются и бывают у нас, вторая – об их числе, мере и движущей силе (*momento*), которой они вызываются, третья – об [истинных] причинах этих вещей. Первая – о тех вещах, которые существуют и рассматриваются вместе с материей, вторая – о тех вещах, которые существуют вместе с ней, но рассматриваются [отдельно от нее], третья – о тех вещах, которые как существуют, так и рассматриваются отдельно от нее⁴⁹. Первая говорит о субсистенциях (*subsistentibus*)⁵⁰, вторая – о том, что существует внутри (*inexistentibus*)⁵¹ [вещей], третья – о том, что пребывает⁵². Первая – о том, что в высшей степени конкретно (*concretis*) по природе, вторая – об абстрактном в отношении рассудка (*ratione*), третья – о вещах, которые сами по себе обособлены (*separatis*). Первая в особенности занимается теми вещами, которых много, вторая – теми вещами, которые находятся во многих вещах, третья – теми вещами, которые существуют до многого (*ante*⁵³ *multa*). Первая в особенности способствует нравственной жизни, вторая – рациональной, третья – героической⁵⁴. Первое рассмотрение подобно рассуждению о курносом (*de simo*)⁵⁵, второе – о прямизне, третье – об интеллекте⁵⁶. В первом рассмотрении легче всего осуществляется доказательство от причины (*demonstratio causae*), во втором – почти всегда «доказательство в чистом виде» (*demonstratio simpliciter*), то есть равным образом доказательство

⁴⁸ Такое деление философии известно еще с Аристотеля.

⁴⁹ Ср.: «В самом деле, учение о природе занимается предметами, существующими самостоятельно, но не неподвижными; некоторые части математики исследуют хотя и неподвижное, однако, пожалуй, существующее не самостоятельно, а как относящееся к материи; первая же философия исследует самостоятельно существующее и неподвижное» (Аристотель. *Метафизика* V I 1026a15) [Аристотель 1976, 181].

⁵⁰ В отличие от Боэция и Гильберта Поретанского [Новая философская энциклопедия 2010 IV, 136], которые называли «субсистенцией» сущее само по себе, то есть Бога, Бруно, по-видимому, исходит из приставки “sub” как означающей подчиненность (двух следующих уровней высшему бытию).

⁵¹ Аристотель считал, в отличие от Платона, что числа и прочие математические предметы не имеют самостоятельного существования «вне вещей».

⁵² Иначе говоря, существует вечно (точнее, всегда – *ἀεὶ*, см.: [Гайденок web]).

⁵³ Классический средневековый вопрос о существовании универсалий формулировался следующим образом: существуют ли они до (прежде, “ante”) вещей, то есть объективно, в мире платоновских идей («реализм»), в вещах (так называемый «концептуализм»), или возникают в человеческом уме из вещей («после вещей», или так называемый «номинализм»). Об этом споре см., например, статью С.С. Неретиной «Универсалии в западноевропейской философии» [Новая философская энциклопедия 2010 IV, 136–141].

⁵⁴ Речь идет о «героическом энтузиазме» Бруно. См.: [Бруно 1953].

⁵⁵ Ср.: «Из определяемых предметов и их сути одни можно сравнить с “курносом”, другие – с “вогнутым”: они отличаются друг от друга тем, что “курносое” есть нечто соединенное с материей (ведь “курносое” – это “вогнутый” нос), а вогнутость имеется без чувственно воспринимаемой материи. Так вот, если о всех природных вещах говорится в таком же смысле, как о курносом, например: о носе, глазах, лице, плоти, кости, живом существе вообще, о листе, корне, коре, растении вообще (ведь определение ни одной из них невозможно, если не принимать во внимание движение; они всегда имеют материю).…» (Аристотель. *Метафизика*, VI I 1025b30–1026a3) [Аристотель 1976, 181]. Для Аристотеля, как и для Бруно, «курносость» обозначает телесное бытие, а «вогнутое» (то есть бестелесную границу носа и т. д.) – бестелесное бытие, не связанное с материей. Ср.: «Говорят, что рассмотрение природного соразмерно рассуждению о курносом, которое не исследует по отдельности ни форму, ни материю, (которые обозначается именем природы), но оформленную материю и материальную форму, приложенную к материи, которые производят то, что в собственном смысле именуется природным» [Бруно 2024, 111].

⁵⁶ Бруно считает интеллект принадлежащим Богу. Именно в божественном интеллекте находятся идеи, сообразно которым возникают вещи в физическом мире.

от причины и от знака⁵⁷, в третьем – доказательство от знака (*demonstratio signi*)⁵⁸. В первом и третьем различается первое (*priora*) для нас и первое по природе, во втором же те же самые вещи являются первыми и первыми познаются.

ДЕЛЕНИЕ ФИЛОСОФИИ ПРИРОДЫ [АРИСТОТЕЛЯ]

Физика Аристотеля делится на следующие восемь частей: первая – лекции (*Auscultatio*) о физике⁵⁹, где содержатся размышления о природе и движении вообще. Вторая – это рассмотрение [трактата] «О небе и мире» (*De caelo et mundo*)⁶⁰, где говорится о первом виде движения, а именно о перемещении, и о первых движущихся телах. Третья часть – это рассмотрение [трактата] «О возникновении и о уничтожении»⁶¹, состоящее из двух книг, а с ними в качестве третьей, добавленной без причины, – четвертая «Метеорологическая» [книга]⁶², где он трактует о прочих видах движения. Четвертая часть посвящена возникновению, изменению и составу (*consistentia*) несовершенного составленного, [о чем говорится] в трех книгах «Метеорологики». Пятая – о возникновении и составе совершенного, но неодушевленного в книге «О минералах»⁶³, шестая – о возникновении и составе растительного (*vegetantium*) в книге «О растениях»⁶⁴. Седьмая – о возникновении и составе животных в книгах «О возникновении [животных]» и «О самих [животных]»⁶⁵. Восьмая часть – о первопричине (*principio*) возникновения, жизни, движения, а также вегетативного (*vegetandi*), чувства и рассуждения, как это изложено в книгах «О душе» и связанных с ними «Малых естественнонаучных сочинениях». И эта заключительная часть посвящена той форме, которую [Аристотель] в конце первой из книг «Физики» понимает как конечную точку рассмотрений физического и граничащую с рассмотрением метафизики⁶⁶. Полная же книга «Проблем»⁶⁷ здесь не имеет отдельного места, ее различные разделы рассматриваются и обсуждаются в различных перечисленных частях.

⁵⁷ Под «знаками» (итал. “*signi*”, лат. “*signa*”) Бруно понимал объединение в одной вещи экстремальных противоположностей, таких как геометрические минимум и максимум, которые дают познание Единого. См.: [Blum 2016, 249].

⁵⁸ Как отмечает Д. Аквилеккья, в этом месте порядок перепутан и демонстрация в соответствии с причиной должна относиться к метафизике, а посредством знака – к физике [Bruno 1964, 4]. Это подтверждается отрывком из “*Praelectiones geometricae*”: «Существует тройкий род доказательства: [первое] – “вследствие чего”, или “от причины”, посредством этого [доказательства] нечто выводится из известных нам вещей согласно бытию или предположению; [второе] – “потому что”, или “от знака” – из известных нам вещей, или из вещей следующих за ними по бытию, или из вещей более удаленных; и [третье] – “чистое” – из вещей, предшествующих как согласно бытию, так и согласно рассмотрению: где, собственно, одним и тем же является первоначало, причина знания и вещи. Первый род – собственно метафизический, второй физический, а третий – математический» [Bruno 1964, 3].

⁵⁹ То есть собственно «Физика» Аристотеля в 8 книгах.

⁶⁰ «О небе» Аристотеля. Русский перевод А.В. Лебедева см. в: [Аристотель 1981].

⁶¹ Русский перевод Т.А. Миллер см. в: [Аристотель 1981].

⁶² «Метеорологика» Аристотеля. Русский перевод И.В. Брагинской см. в: [Аристотель 1981].

⁶³ У Аристотеля отсутствует отдельное сочинение, посвященное минералам. Отдельные замечания о минералах содержатся в III книге «Метеорологики» (278a15-b6). См.: [Теофраст web].

⁶⁴ Работа, приписываемая Аристотелю. Впервые была переведена с арабского языка на латынь Альфредом Английским в период правления Генриха III (1207–1272). Настоящий автор – Николай Дамаский (I в. до н. э.).

⁶⁵ По-видимому, имеются в виду работы Аристотеля “*Historia Animalium*”, “*De Partibus Animalium*”, “*De Motu Animalium*”, “*De Incessu Animalium*”.

⁶⁶ Ср.: «А что касается начала в отношении формы, то – едино ли оно или их много и каково или каковы они – подробное рассмотрение [этих вопросов] есть дело первой философии, так что это должно быть отложено до того времени. О природных же и преходящих формах мы расскажем в последующем изложении» (Аристотель. Физика A I 192ba34-192b3) [Аристотель 1981, 81].

⁶⁷ “*Problemata*” Аристотеля или Псевдо-Аристотеля.

[Далее] перед тобой щедро изложенное деление лекций о физике, [исходящее] из того, что сообщается в начале этой книги.

Джордано Бруно Ноланца

Введение к лекциям Аристотеля о физике
О замысле и порядке восьми книг «Физики» Аристотеля,
а также о замысле и порядке самой [«Физики»]

Итак, поскольку необходимо, чтобы тот, кто стремится к знанию природных вещей, не был прежде всего невежествен в отношении природы, [Аристотель] составил восемь книг под названием «Лекции о физике» (*De physica auscultatione*), в которых говорится о том, что, очевидно, необходимо для познания природы. Для совершения этого рассмотрения он определил материю, лишенность и форму, которые являются видами природы и от которых природные вещи по большей части получают свое название, а также причины, которые называются в соответствии с самими видами природы, а именно материальную и формальную [причину], или которые находятся в самих видах природы или относятся к ним (*circa ipsas*) – производящую и финальную, а также, конечно, судьбу и случай, как имеющие некоторое основание действующей [силы]. Добавь к этому также движение, ведь если игнорировать его, невозможно будет познать и природу (поскольку его следствия ближайшие к природе), и поэтому [Аристотель] занимается этим рассмотрением в его видах, частях и терминах; не исключая и рассмотрения перводвигателя, для познания первого движения он доходит до пределов возможностей физики (*physicae facultatis*), а вместе с этим доходит и до того, что, как считается, является производящим природу.

Также, по той же или по сходной причине, по которой знание движения выдвигается на первый план в качестве помощи для познания природы, необходимо прежде всего заняться познанием некоторых других [вещей], которые могут быть полезны в его познании. Итак, прежде всего необходимо исследовать основание самого бесконечного, как потому, что движение непрерывного (*continuum*) есть такое, что его определение соответствует бесконечному, так и потому, что необходимо опровергнуть мнение тех, кто считает, что само бесконечное есть первопричина (*principium*) и природа природных вещей⁶⁸. К этому мы приходим, рассуждая о месте, поскольку признано, что всякое движение происходит в месте, а также потому, что главный вид движения относится к месту (*est localis*)⁶⁹. Поэтому знание о пустоте (*vacui*), которое служит познанию места, не следует упускать из виду; разумеется, некоторым людям (заблуждение которых нельзя обойти молчанием) сама пустота представляется местом⁷⁰. Наконец, необходимо дать определение времени, как потому, что оно называется мерой движения и покоя, так и потому, что оно, очевидно, в наибольшей степени сопровождает действия всех природных вещей. Вот как Аристотель, прежде чем начать говорить о природных вещах в своей книге «О небе», под заголовком «Рассуждения о природе»⁷¹ пожелал изложить по своему методу общее и присущее всем природным сущностям.

⁶⁸ Бруно излагает точку зрения Аристотеля. Аристотель отрицал существование актуальной бесконечности. Понятие бесконечности тесно связано с понятием непрерывности (*continuitas*) – ключевым для физики Аристотеля. По Аристотелю, все в мире: пространство и время, материя и материальные вещи – является бесконечно делимыми и в этом смысле мир принципиально континуален, а не дискретен, как, например, у атомистов.

⁶⁹ Как отмечает С.В. Месяц, «первым и несводимым к остальным видом движения он (Аристотель. – Л. Т.) полагает именно пространственное...» [Месяц web].

⁷⁰ Аристотель в своем учении о природе не допускал существования пустоты. «Место» (*τόπος*) же он понимал как то, в чем помещается тело, то есть его границу.

⁷¹ Имеется в виду «Физика».

Раздел I

В котором объясняется основной предмет Аристотеля

Прежде всего глава перипатетиков предлагает двойной порядок познания: один, более приспособленный и соответствующий природе науки, посредством которого следствия, которые могут быть началами, причинами и элементами, познаются из начал, причин и элементов; другой, который является для нас естественным и к которому должна жадно устремляться наука, заключается в переходе от следствий к их началам, причинам и элементам⁷².

Из них первый – от универсалий к составным физическим вещам, которые называются их частными случаями (*particularia*); второй – от общих соединенных и составных к универсалиям, которые называются их специфическими первоначалами, специфическими частями и специфическими причинами. Конечно, это знание составных [вещей] так соотносится со знанием вещи в ее существенных частях, как знание имени и неразборчивая болтовня детей, посредством которой называют всех мужчинами или, не различая мужчин и женщин, отцами и матерями, которая [затем] направляется к правильному и определенному именованию конкретного отца или матери.

Итак, поскольку один порядок следует природе вещей, а другой – условию дисциплин, которые пытаются их постигнуть, то теперь, когда мы продвинулись не через данное от рождения, но через развитое, можно перейти от определенных всеобщих первоначал и элементов, которые являются природой или видами природы и получают определенную материю-мать с одной стороны, а с другой – отдельно форму-отца, к природному составному, которое содержит в себе и отца и мать, как бы объединяя их.

Раздел II

[В котором Аристотель] собирается исследовать первоначала природных вещей, аргументируя против других, а затем определяя их согласно собственному суждению, и предваряет это многообразием мнений

Он говорит, что среди древних философов существует много мнений о первоначалах; ибо одни установили одно первоначало, другие – множественные. Из тех же, кто установил одно первоначало, некоторые считают его неподвижным, как, например, Парменид и Мелисс; другие же – подвижным и природным, из них Диоген считал первоначалом воздух, Фалес – воду, Гераклит – огонь, а Гиппарх⁷³ – среднее между воздухом и огнем⁷⁴. Из тех, кто устанавливает множествен-

⁷² Ср.: «Так как знание, и [в том числе] научное познание, возникает при всех исследованиях, которые простираются на начала, причины и элементы, путем их уяснения (ведь мы тогда уверены, что знаем ту или иную вещь, когда уясняем ее первые причины, первые начала и разлагаем ее вплоть до элементов), то ясно, что и в науке о природе надо попытаться определить прежде всего то, что относится к началам. Естественный путь к этому ведет от более понятного и явного для нас к более явному и понятному по природе...» (Аристотель. Физика 184a10-17) [Аристотель 1981, 61].

⁷³ В издании [Bruno 1889] “Hipparchus”, в оригинальном издании [Bruno 1586] “Hipparcus”. Античные источники знают двух основных Гиппархов: первый – это афинский тиран, сын Писистрата (VI в. до н. э.). Второй – астроном Гиппарх Никейский, который жил во II в. до н. э., то есть намного позже Аристотеля.

Можно предположить, что у Бруно в «Гиппархе» слились представления о пифагорейце Гиппase из Метапонта (ок. 574–522 гг. до н. э.), который считал первоначалом огонь, и Гиппоне (из Метапонта или Самоса). Согласно «Опровержению всех ересей» Ипполита, «Гиппон из Регия полагал началами холодное или воду и горячее или огонь» [Лебедев 1989, 421]. То же самое утверждает и Секст Эмпирик [Лебедев 1989, 421]. К тому же, видимо, имеет место некоторый перенос мнения, приписываемого Диогену из Аполлонии: Симпликий в комментарии к «Физике» Аристотеля пишет, что «он полагал началом вещество промежуточное между огнем и воздухом...» [Лебедев 1989, 541] (притом что большинство античных авторов указывают, что началом он считал воду или влагу).

⁷⁴ Комментарий к переводу В.П. Карпова указывает, что точка зрения, признававшая первоначалом среднее между огнем и воздухом и неоднократно упоминающаяся у Аристотеля, не отождествляется ни с каким известным в настоящее время мыслителем [Аристотель 1981, 562].

ность первоначал, некоторые считают их конечными [по числу] (*finita*), другие же – бесконечными [по числу]⁷⁵ (*infinita*). Некоторые из тех, кто установил конечные, называют два, как Платон – большое и малое⁷⁶, Парменид – горячее и холодное⁷⁷, Эмпедокл – соединение и разделение⁷⁸; некоторые называют три, как Анаксимен – воздух или другое одно первоначало вместе с горячим и холодным⁷⁹, а Демокрит – вместе с заполненным и незаполненным – атомы⁸⁰; некоторые же четыре, как Эмпедокл, которые обыкновенно называются элементами⁸¹. Из тех, кто

⁷⁵ Добавление «по числу» оправдано текстом Аристотеля: «...если же начал много, то они должны быть или ограничены [по числу], или безграничны, и если ограничены, но больше одного, то их или два, или три, или четыре, или какое-нибудь иное число, а если безграничны, то или так, как говорит Демокрит, то есть все они одного рода, но различаются фигурой или видом или даже противоположны» (Аристотель. Физика А II 184b17-23) [Аристотель 1981, 62].

⁷⁶ Согласно Платону, все существующее делится на идеи, которые дискретны, например: точка, треугольник, четверка, равное, благо, единое, и видимый мир изменчивости, которые «допускают градацию «больше-меньше», то есть наличные вещи и их свойства: большой мальчик, маленький мальчик, более холодное, менее холодное, более влажное и т. д. и т. п. Согласно Платону, «большое и малое» есть принцип онтологического отличия дискретных и определенных идей от континуального и неопределенного мира явлений. См.: [Бородай web].

⁷⁷ Кажущееся противоречие между сказанным выше, что Парменид признавал одно первоначало, объясняется исходя из Аристотеля (Аристотель. Метафизика А V 986b9): «Парменид же, судя по всему, высказывает более проницательные суждения. Он постулирует, что отличное от сущего [“того, что есть”] не-сущее – ничто, откуда, как он полагает, с необходимостью вытекает, что есть [только] одно – сущее [“то, что есть”] и ничего больше. Однако, вынуждаемый согласовать [теорию] с опытом [собственно “феноменами”] и полагая [поэтому], что [то, что есть], – одно согласно логосу, но множественно согласно чувственному восприятию, он, с другой стороны, полагает, что причин две и начал два: горячее и холодное, то есть огонь и земля. Из них горячее он соотносит с сущим [“тем, что есть”], а холодное – с не-сущим [“тем, чего нет”]» (цит. по: [Лебедев 1989, 279]). Впрочем, исходя из фрагментов самого Парменида, два начала существуют только на уровне доксы, в действительности существует лишь начало огня, которое может проявляться как «горячее»: «Смертные приняли решение именовать две формы (μορφαί), одну из которых [именовать] не следует – в этом их ошибка. Они различили [их как] противоположности по внешнему облику и установили [отличительные] признаки порознь друг от друга: с одной стороны – пламени огонь небесный [эфирный], мягкий, очень разреженный [легкий], повсюду тождественный самому себе, а другому – не тождественный. А с другой – и это тоже само по себе, – как противоположность [огню] – невежественную [?] ночь, плотное и тяжеловесное обличье» [Лебедев 1989, 291].

⁷⁸ См., например, комментарий Симпликия к «Физике» [Лебедев 1989, 344] или Псевдо-Аристотеля «О Мелиссе, Ксенофане, Горгии» [Лебедев 1989, 345].

⁷⁹ Здесь видно явное противоречие устоявшимся представлениям об учении Анаксимена. Как указывает, например, Симпликий, Анаксимен признавал одно, и притом бесконечное, начало – воздух [Лебедев 1989, 129–130]. Бруно же в этом тексте считает, что Анаксимен признавал три начала. «Под другим одним» он, вероятно, имеет в виду τό ἄπειρον («беспредельное»), а «горячее и холодное», возможно, берет из «Опровержения всех ересей» Ипполита (первая книга произведения была известна в Средние века под ложным авторством Оригена): «Анаксимен... полагал, что начало – бесконечный воздух (αἴρ ἀπειρός), из которого рождается то, что есть, что было и что будет... а [все] прочие [вещи] – от его потомков. Свойство (εἶδος) воздуха таково: когда он предельно ровен... то не явлен взору, а обнаруживает себя, [когда становится] холодным, теплым, сырым и движущимся» [Лебедев 1989, 130]. Также возможным источником могут быть «Учения академиков» Цицерона: «Анаксимен заявлял, что воздух беспредельен, но то, что из него возникает, – определено; а рождаются земля, вода, огонь, а потом уж из них все остальное» [Цицерон 2004]. “Anaximenes infinitum aera, sed ea quae ex eo orerentur definita; gigni autem terram aquam ignem, tum ex iis omnia” [Cicero web].

⁸⁰ Если исходить из понимания Аристотелем учения Демокрита (Аристотель. Метафизика А IV 985b4; Аристотель, De gen. et corr. A VIII 324b85-325a1), то тот признавал только два начала: пустое (небытие) и полное (бытие), а уже бытие, в свою очередь, представляло собой атомы, бесконечные по числу. См.: [Материалисты Древней Греции... 1955].

⁸¹ Обратим внимание, что выше Бруно указывал на то, что Эмпедокл признавал два первоначала. Античные авторы (например, Секст Эмпирик) считали, что вместе Эмпедокл признавал 6 основных начал: четыре первоэлемента, а также соединение и разделение [Лебедев 1989, 341].

считает их бесконечными, Демокрит (говоря об атомах) утверждает, что они различаются лишь по форме и положению (*figuram et ordinem*), а Анаксагор считает, что они различаются также и по разным родам (*ipso genere*)⁸². Говоря о первоначале, древние спрашивают о сущем (*ente*), единое оно или множественно, конечно или бесконечно, поскольку они называют первоначалом то, что является самой вечно пребывающей субстанцией вещей⁸³.

Раздел III

[В котором Аристотель] высказывает свое суждение о том, какие мнения стоит не оставлять без внимания, каких придерживаться, а от каких отказаться и какие отвергнуть

По его словам, из тех, кто высказал свое мнение о вышеназванном, некоторые говорили неестественно, а другие – естественно⁸⁴. Спорить с первыми лишено смысла по двум причинам: как потому, что они, очевидно, не согласны с нами в вопросе о первоначалах (ибо по той же причине для геометра несостоятельно решение проблемы квадратуры круга Антифонта, но он принимает решение Бриссона (*Brissonis*)⁸⁵), так и потому, что безумие беспокоиться насчет любого чужого и неверного мнения (например, мнения Гераклита⁸⁶). Однако, по двум другим причинам,

⁸² Ср.: «если же начал много, то они должны быть или ограничены [по числу], или безграничны, и если ограничены, но больше одного, то их или два, или три, или четыре, или какое-нибудь иное число, а если безграничны, то или так, как говорит Демокрит, то есть все они одного рода, но различаются фигурой или видом или даже противоположны» (Аристотель. Физика А II 184b17-23) [Аристотель 1981, 62]. При этом под «противоположными по родам» имеется в виду то, что, говоря об учении Анаксагора, Аристотель обозначил словом «гомеомерии».

⁸³ Ср.: «Сходным путем идут и те, которые исследуют все существующее в количественном отношении: они прежде всего спрашивают, одно или многое то, из чего состоит существующее, и если многое, ограничено ли оно [по числу] или безгранично; следовательно, и они ищут начало и элемент – одно оно или многое» (Аристотель. Физика А II 184b22-26) [Аристотель 1981, 62].

⁸⁴ Ср.: «Однако рассмотрение вопроса об одном и неподвижном сущем не относится к исследованию природы: как геометр не может ничего возразить тому, кто отрицает начала [геометрии], – это дело другой науки или общей всем...» (Аристотель. Физика А II 184b26-185a1) [Аристотель 1981, 62]. Здесь Аристотель, с одной стороны, говорит о том, что Мелисс и Парменид совершают логическую ошибку, называя «всё» или «сущее» единым, а с другой – намекает на метафизику или метанауку («это дело другой науки или общей всем»). В «Физике» же он призывает говорить о первопринципе в натурфилософском, физическом смысле. Ср. с позицией Л. Витгенштейна, указывавшего на то, что мир является совокупностью фактов, при этом сам не является фактом и, следовательно, недоступен для языкового и логического, осмысленного выражения, при этом есть предмет мистики. См.: Витгенштейн. Логико-философский трактат. 1.1; 6.45 [Витгенштейн 2018].

⁸⁵ Имеется в виду Брисон Гераклеяский (V в. до н. э.). В «Физике» Аристотель его не упоминает. Решение проблемы квадратуры круга, по Антифону, состояло в том, что размер квадрата бесконечно приближается к размеру круга. Поскольку здесь задействован принцип бесконечности и квадрат, хотя и будет бесконечно приближаться к кругу, никогда не будет в него вписан, такое решение, согласно Аристотелю, следует рассматривать скорее как метафизическое, чем как геометрическое. Брисон Гераклеяский пошел дальше Антифонта и, хотя также использовал метод приближения, не считал, что посредством бесконечного приближения можно достичь конечного приближения к кругу. Он также был более «математичен» в том смысле, что помещал площадь круга между площадью вписанного и описанного многоугольника. Поскольку Аристотель отрицал актуальную бесконечность, с его точки зрения, квадрат не мог быть вписан в круг по методу Антифонта.

⁸⁶ См.: «Рассматривать, таково ли единое, – все равно что рассуждать по поводу любого тезиса из тех, что выставляются ради спора (например, гераклитовского...» (Аристотель. Физика А II 185a5-185a7) [Аристотель 1981, 62]. Комментарий к русскому переводу указывает, что имеется в виду один из «логически противоречивых» (по мнению Аристотеля) тезисов Гераклита, например: «В одну и ту же реку входим и не входим, существуем и не существуем» [Аристотель 1981, 560], которые Аристотель в силу их «абсурдности» не считал нужным опровергать или обсуждать.

например, с ними нужно спорить: потому, что, даже если они говорят неестественно, они все же говорят о природных вещах, а также потому, что они дают некоторое основание для размышлений⁸⁷. Однако, разрешая сомнения, необходимо непременно оспаривать вторых (то есть тех, кто говорит «естественно». – Л. Т.), поскольку они допускают либо движение, либо множество, либо и то и другое, что предполагается, что существует в этой науке, как если бы оно было установлено⁸⁸.

Раздел IV

Описав предварительно мнения других [философов], он вначале обращается к тем, кто говорит неестественно⁸⁹

Итак, страстная аргументация [Аристотеля] направлена против Парменида и Мелисса, которые называют первоначалом единое неподвижное сущее⁹⁰. Во-первых, [аргументация идет] в части «сущего», во-вторых, в части «единого», в-третьих, в части «неподвижного», в-четвертых, в части «первоначала», в-пятых, в части этого комплексного [высказывания] «сущее есть единое», в-шестых, в части способа аргументации [Парменида и Мелисса]. Поэтому, что касается первого, у них спрашивается, каким образом они понимают сущее. Имеется ли в виду только субстанция, или что-то из рода акциденций, или комплекс, состоящий из субстанции и акциденции?⁹¹ Если субстанция, то или полная, как человек или лошадь⁹², или неполная, как душа⁹³? Ибо сущее не может быть единым, если сущее означает субстанцию; ибо она вместе с акциденцией (понимаемой как соединенная или как отдельная) должна составлять множественность, а без акциденции она не называется конечной или бесконечной; а если сущее означает акциденцию, то она не может существовать без субстанции; но сущее, [будучи единым], не может и означать комплекс, [состоящий из субстанции и акциденции], поскольку то, что образует комплекс, всегда множественно. Что касается второго, то спрашивается, почему они называют [сущее] единым. Исходя из его непрерывности? Исходя из его неделимости? Исходя из его определения (ratione)?⁹⁴ Устранением предикативного глагола (verbi praedicativi ablatione)? Или путем преобразования [имени, ранее привязанного посредством предикативного глагола] в отыменную форму (conversione verbi in denominativum)? Разве непрерывное не бесконечно делимо и, следовательно, не содержит в себе бесчисленных частей?⁹⁵ Я не говорю уж о том, что необходимо сказать, что в случае с целым и частями дело обстоит иначе⁹⁶. А если оно неделимо, то оно

⁸⁷ Ср.: «Однако хотя о природе они и не говорили, но трудностей, связанных с природой, им приходилось касаться, поэтому, вероятно, хорошо будет немного поговорить о них: ведь такое рассмотрение имеет философское значение» (Аристотель. Физика А II 185a17-21) [Аристотель 1981, 63].

⁸⁸ Точного соответствия этой фразы у Аристотеля нет.

⁸⁹ То есть к Пармениду и Мелиссу.

⁹⁰ Для Аристотеля сущее не может быть неподвижным, потому что главный принцип его физики – движение [Аристотель 1981, 17].

⁹¹ Бруно называет субстанцией то, что Аристотель называл первой сущностью (первой из 10 категорий). Остальные 9 категорий (греч. σμμεβεηκόες), которые всегда «сказываются» о некоей субстанции, называются в латинской терминологии «акциденциями».

⁹² В терминологии Аристотеля – первая сущность (πρώτη οὐσία).

⁹³ В терминологии Аристотеля – вторая сущность (δεύτερα οὐσία). Такого рода сущности [виды (species) и роды (genera)] являются «неполными», потому что не могут существовать отдельно от индивидуальных, конкретных вещей («первых сущностей»). Человек как индивидуальная вещь определяется душой как своей энтелехией, или сущностью.

⁹⁴ См.: (Аристотель. Метафизика Δ VI 1015b36-1016b31).

⁹⁵ В системе Аристотеля, если единое будет непрерывным, оно будет и многим, потому что непрерывное делимо до бесконечности.

⁹⁶ Аристотель ставит вопрос, является ли часть и целое многим или одним (Аристотель. Физика А II 185b12-17).

не будет ни конечным, ни бесконечным⁹⁷. Единое по определению (то есть если все вещи в мире будут «единым». – Л. Т.), сделает одним и тем же противоположность добра и зла⁹⁸, противоречивость добра и недобра, отличие человека от коня, субстанции от акциденций, человека от белизны, белизны от длины в два локтя⁹⁹. Даже если Ликофрон¹⁰⁰ говорит «бледный человек (homo albus)»¹⁰¹, разве само определение человека и белого (album) не остаются различными? Подобно этому и другие, которые, меняя выражение, говорили не «бледный [человек]», но «[человек] становится бледным», не обманывались ли они, опасаясь, что назовут [сущее] единым и многим одновременно? Ибо они не знали, что может быть многим по определению то, что относится к одному субъекту¹⁰², и многое в потенции (potentia) одним в действительности (actu)¹⁰³. Что касается третьего, то мы утверждаем, что они не различают неподвижность по месту от других видов неподвижности, поскольку нельзя не учитывать другие движения, которые обычно обозначаются именем изменения¹⁰⁴. Что касается четвертого, то [Аристотель спорит с Парменидом и Мелиссом] потому, что они не различают начало во времени и продолжительности от начала по величине и массе¹⁰⁵, а так-

⁹⁷ Аргументация Аристотеля следующая: конечность и бесконечность – это свойства количества. Неделимое не подпадает под категорию количества (потому что не делится на части, а делимость на части – неотъемлемая характеристика количества), следовательно, не может бы ни конечным (как утверждал Парменид), ни бесконечным (как учил Мелисс). Для понимания этой фразы необходимо обратиться к тексту Аристотеля: «Но если [брать единое] как неделимое, оно не будет ни количеством, ни качеством и сущее не будет ни бесконечным, как утверждает Мелисс, ни конечным, как говорит Парменид, ибо неделима граница, а не ограниченное» (Аристотель. Физика А II 185b17-19) [Аристотель 1981, 64]. Аристотель понимал неделимое только в математическом смысле: неделима лишь точка, не реальный, а математический объект. Граница тел также неделима, потому что существуют только тела, а граница между ними умозрительна и не является телом. Граница в силу своей математичности не может быть конечной, но в силу того, что она ограничивает конкретное физическое тело, она не может быть и бесконечной.

⁹⁸ Если все в мире «одно» (unum), в мире не будет противоположностей и логически противоречивых вещей.

⁹⁹ То есть не будет различием между качеством и количеством.

¹⁰⁰ Согласно Аристотелю, софист, ученик Горгия. Упоминается также в «Политике» Аристотеля (IV 9). См.: [Аристотель 1981, 561].

¹⁰¹ Вместо «Человек есть бледный», что, по мнению Ликофрона, заключает в себе логическое противоречие. С одной стороны, «Человек есть бледный» – это одно, один субъект, у которого просто есть свойство «быть бледным». С другой стороны, как будто бы идет речь о множественности: «человек» (субъект, одно) есть «бледный» (предикат, другое). В связи с этим Ликофрон предлагал отказаться от глагола «быть» в значении глагола-связки и употреблять фразы типа «человек бледнеет» (сейчас, то есть находится в состоянии «бледности») и оставить этот глагол только в значении существования («Человек существует»). У Ликофрона мы видим, наверное, первую в истории попытку построения искусственного языка высказываний с целью решения фундаментальных проблем философии, подобного тому, который создается аналитической философией.

¹⁰² Ср.: «Между тем существующее есть многое или по определению (например, одно дело быть бледным, другое – быть образованным, а один и тот же предмет бывает и тем и другим, следовательно, единое оказывается многим)…» (Аристотель. Физика А II 185b32-34) [Аристотель 1981, 64].

¹⁰³ Ср.: «...Ведь единое существует и в возможности, и в действительности» (Аристотель. Физика А II 186a3) [Аристотель 1981, 64]. В оригинальном тексте использованы термины δύναντις и ἐντελέχεια соответственно [Aristotle's Physics 1936, 124]. По мнению Аристотеля, эти философы не понимали, что единое и многое могут быть совмещены в одной вещи, но не актуально, а только в потенции. Кроме того, субъект может иметь разные определения: «бледный», «разумный» и т. д. – и в этом смысле оказываться «многим».

¹⁰⁴ Аристотель в оригинальном тексте говорит, что, хотя оппоненты признают неподвижность всего сущего, ничто не мешает ему двигаться, например, круговым движением, как и любому физическому предмету. См.: (Аристотель. Физика А II 186a17-19).

¹⁰⁵ По-видимому, речь идет о начале в пространстве. Точного соответствия в тексте Аристотеля нет. В.П. Карпов достаточно далеко от текста комментирует: «Вторая [ошибка Мелисса] состоит в утверждении, что любой процесс имеет начало не только во времени, но и в пространстве (скажем, если вещь меняет цвет, то это изменение должно начинаться в какой-либо точке)» [Аристотель 1981, 561]. По-видимому, Аристотель понимал Мелисса следующим образом: все, что возникает, имеет пространственное возникновение. Единое не возникает, следовательно, не имеет пространственного возникновения, следовательно, пространственно безгранично [Aristotle's Physics 1936, 471]. Впрочем, аргумент Мелисса был сильнее: если единое ограничено в пространстве, вне его будет пустота, существование которой он не мог признать, отождествляя ее с небытием [Aristotle's Physics 1936, 472].

же потому, что они считают, что первоначало и сущее – это одно и то же¹⁰⁶. Что касается пятого, то [он возражает], с одной стороны, потому, что они не находят середины между сущим как таковым (*ens simpliciter*)¹⁰⁷ и ничто¹⁰⁸, а с другой – потому, что если они соглашаются, что оно может быть определено, оно по необходимости окажется делимым на определенные части¹⁰⁹. Что касается шестого, то [Аристотель] оспаривает их аргументы как по форме аргументации, поскольку они идут против логики, так и по существу, поскольку они выдвигают ложные утверждения¹¹⁰. Ибо, говорит [Аристотель], Мелисс рассуждал следующим образом: «То, что возникло, имеет первоначало, следовательно, то, что является невозникшим, у того нет первоначала¹¹¹; если нет первоначала, то нет и конца; следовательно, оно бесконечно, следовательно, оно неподвижно, поскольку у него нет ничего, куда оно могло бы двигаться. Следовательно, оно также едино, поскольку не допускает ничего внешнего»¹¹². Пармениду же приписывается следующий аргумент: «все, что кроме сущего, есть небытие; но то, что не есть бытие, есть ничто; следовательно, сущее едино; если оно едино, то оно неподвижно; ведь ему некуда двигаться». И он постулировал конечное единое¹¹³.

¹⁰⁶ Соответствия в тексте Аристотеля нет.

¹⁰⁷ Мы используем терминологию Аристотеля в переводе В.П. Карпова.

¹⁰⁸ То есть Парменид занимает слишком радикальную позицию: всё или ничего. Либо всё одно, либо существует ничто. Аристотель же, отрицая существование ничто (пустоты), при этом признает существование множественности, которую он считает очевидной, но все же пытается логически доказать. Аристотель выделяет сущность (первая категория) и приводящие свойства (остальные 9 категорий). Для Парменида «всё» является «сущим» и «единым», то есть и сущность, и приводящие свойства. По Аристотелю же, сущность это всегда что-то одно, а остальные 9 категорий – что-то другое, они не могут быть тождественны. Если, по Аристотелю, сущность будет «сущим», то помещаемое в остальные 9 категорий с необходимостью будут «не-сущим». Но раз приводящие свойства будут «не-сущим», то и сущность окажется не-сущим, раз мы принимаем посылку о том, что *всё* есть одно [Аристотель 1981, 65–66]. Ср.: «Если, таким образом, сущее как таковое не принадлежит ничему другому, а все [остальные] вещи принадлежат ему, почему сущее, как таковое, будет означать в большей мере сущее, чем не-сущее?» (Аристотель. Физика А III 186a37-b7) [Аристотель 1981, 66].

¹⁰⁹ Ср.: «...Целое скорее уясняется чувством, а общее есть нечто целое, так как общее охватывает многое наподобие частей. То же самое некоторым образом происходит и с именем в отношении к определению: имя, например “круг” обозначает нечто целое, и притом неопределенным образом, а определение расчленяет его на составные части» (Аристотель. Физика А I 184a25-b13) [Аристотель 1981, 61].

¹¹⁰ Ср.: «И тут опровержение сводится к тому, что одно у него оказывается ложным, другое – неверно выведенным» (Аристотель. Физика А III 186a24-25) [Аристотель 1981, 65].

¹¹¹ Ср.: «...Он думает взять за основу, что если все возникшее имеет начало, то невозникшее его не имеет. (Аристотель. Физика А III 186a11-12) [Аристотель 1981, 65].

¹¹² Точного соответствия у Аристотеля нет. Здесь Бруно просто суммирует учение Мелисса.

¹¹³ Точного соответствия у Аристотеля нет. См.: (Аристотель. Физика А III 187a1-10). Здесь Бруно суммирует учение Парменида.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аристотель 1976 – *Аристотель*. Сочинения в четырех томах. Т. 1. М.: Мысль, 1976.
- Аристотель 1981 – *Аристотель*. Сочинения в четырех томах. Т. 3. М.: Мысль, 1981.
- Бабичев, Боровский 1982 – *Бабичев Н.Т., Боровский Я.М.* Словарь латинских крылатых слов: 2500 единиц. М.: Рус. яз., 1982.
- Бородай web – *Бородай Т.Ю.* Платон // <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH2824191493bd40e9d37028>
- Бруно 1949 – *Бруно Д.* Диалоги. М.: Гос. изд. полит. лит., 1949.
- Бруно 1953 – *Бруно Д.* О героическом энтузиазме. М.: Гос. изд. худож. лит., 1953.
- Бруно 2024 – *Бруно Д.* О тенях идей / пер. с лат., коммент., примеч. и вступ. ст. Л.И. Титлина. М.: Голос, 2024.
- Витгенштейн 2018 – *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат. М.: АСТ, 2018.
- Гайденок web – *Гайденок П.П.* Время [Античная философия: энцикл. слов. М.: Прогресс-Традиция, 2008. С. 233–244] // <https://iphlib.ru/library/collection/greekdic/document/HASH017139271273fdb98e9e930e>
- Горфункель 1977 – *Горфункель А.Х.* Гуманизм и натурфилософия итальянского Возрождения. М.: Мысль, 1977.
- Лебедев 1989 – *Лебедев А.В.* Фрагменты ранних греческих философов. М.: Наука, 1989.
- Лосев 1996 – *Лосев А.Ф.* Мифология греков и римлян. М.: Мысль, 1996.
- Материалисты Древней Греции... 1955 – Материалисты Древней Греции. Собрание текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1955.
- Месяц web – *Месяц С.В.* Движение [Античная философия: энцикл. слов.]. М.: Прогресс-Традиция, 2008. С. 295–298] // <https://iphlib.ru/library/collection/greekdic/document/HASH01c3cdc43b94925eb5e8db33>
- Новая философская энциклопедия 2010 – Новая философская энциклопедия. В 4 т. М.: Мысль, 2010.
- Теофраст web – *Теофраст*. О камнях / вступит. ст., пер. и коммент. А.А. Россиуса // Вестник Древней Истории. 2005. № 3. С. 306–331.
- Цицерон 2004 – *Цицерон Марк Туллий*. Учение академиков. М.: Индрик, 2004.
- Aristotelis... 1962 – *Aristotelis omnia quae extant opera. Averrois Cordubensis commentarii. 10 vols. Frankfurt: Minerva, 1962.*
- Aristotle's Physics 1936 – *Aristotle's Physics. A Revised Text with Introduction and Commentary by W.D. Ross. Oxford: Clarendon Press, 1936.*
- Blum 2016 – *Paul Richard Blum. Giordano Bruno Teaches Aristotle, Translated by Peter Henneveld. Nordhausen: Trautgott Bautz, 2016.*
- Bruno 1586 – *Iordani Bruni Nolani. Figuratio Aristotelici Physici auditus. Parisiis: ex Typographia Petri Cheuillot, 1586.*
- Bruno 1889 – *Iordani Brvni Nolani. Opera Latine conscripta. Vol. I. Pars IV. Florentiae: Le Monnier, 1889.*
- Bruno 1891 – *Iordani Brvni Nolani. Opera Latine conscripta. Vol. III. Florentiae: Le Monnier, 1891.*
- Bruno 1964 – *Bruno G. Praelectiones geometricae e Ars deformationum. Roma: Edizioni di storia e letteratura, 1964.*
- Cicero web – *Cicero M. Tullius. Academicorum reliquiae cum Lucullo. Leipzig: Teubner, 1922* // <https://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus%3Atext%3A2007.01.0033%3Asection%3D1>
- Figuratio Aristotelici... web – *Figuratio Aristotelici Physici auditus. About This Item* // <https://www.abebooks.com /Figuratio-Aristotelici-Physici-auditus-illustrem-admodum/30115173965/bd>
- Matteoli 2015 – *Matteoli M. La Figuratio Aristotelici Physici auditus di Giordano Bruno: luoghi e immagini per una 'nuova' Fisica di Aristotele // Rinascimento. – 2015. – Vol. 55. – P. 331–362.*
- Tocco 1889 – *Tocco F. Le opere latine di Giordano Bruno esposte e confrontate con le italiane. Firenze: Le Monnier, 1889.*
- Zaffino 2015 – *Zaffino V. Giordano Bruno lettore della "Fisica" di Aristotele // Rivista di Filosofia Neo-Scolastica. 2015. Vol. 107, № 4. P. 853–866.*

REFERENCES

- Aristotle, 1976. *Works in Four Volumes. Vol. 1.* Moscow, Mysl Publ.
- Aristotle, 1981. *Works in Four Volumes. Vol. 3.* Moscow, Mysl Publ.
- Babichev N.T., Borovskii Ya.M., 1982. *Dictionary of Latin Aphorisms: 2500 Units.* Moscow, Rus. yaz. Publ.
- Borodai T.Yu. *Plato.* URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH2824191493bd40e9d37028>
- Bruno G., 1949. *Dialogues.* Moscow, Gosudarstvennoe izdanie politicheskoi literatury.
- Bruno G., 1953. *The Heroic Enthusiasts.* Moscow, Gosudarstvennoe izdanie khudozhestvennoi literatury.
- Bruno G., 2024. *On the Shadows of Ideas.* Transl. from Latin, Comments and Introduction by L.I. Titlin. Moscow, Golos Publ.

- Wittgenstein L., 2018. *Tractate Logico-Philosophical*. Moscow, Izd-vo AST.
- Gaidenko P.P., 2008. Time. *Ancient Philosophy: An Encyclopedic Dictionary*. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., pp. 233-244. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/greekdic/document/HASH017139271273fdb98e9e930e>
- Gorfunkel A.Kh., 1977. *Humanism and Natural Philosophy of the Italian Renaissance*. Moscow, Mysl Publ.
- Lebedev A.V., 1989. *Excerpts from Early Greek Philosophers*. Moscow, Nauka Publ.
- Losev A.F., 1996. *Mythology of the Greeks and Romans*. Moscow, Mysl Publ.
- Materialists of Ancient Greece. Collection of Texts by Heraclitus, Democritus and Epicurus*, 1955. Moscow, Gos. izd-vo polit. lit.
- Mesyats S.V., 2008. Motion. *Ancient Philosophy: An Encyclopedic Dictionary*. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., pp. 295-298] URL: <https://iphlib.ru/library/collection/greekdic/document/HASH01c3cdc43b94925eb5e8db33>
- New Philosophical Encyclopedia. In 4 Vols.*, 2010. Moscow, Mysl Publ.
- Theophrastus, 2005. On Stones. Introduction, Translation and Commentary by A.A. Rossius. *Bulletin of Ancient History*, no. 3, pp. 306-331.
- Cicero M.T., 2004. *The Teachings of the Academicians*. Moscow, Indrik Publ.
- Aristotelis omnia quae extant opera. Averrois Cordubensis commentarii. 10 vols.*, 1962. Frankfurt, Minerva.
- Aristotle's Physics*, 1936. A Revised Text with Introduction and Commentary by W.D. Ross. Oxford, Clarendon Press.
- Blum P.R., 2016. *Giordano Bruno Teaches Aristotle, Translated by Peter Hennevel*. Nordhausen, Trautgott Bautz.
- Iordani Bruni Nolani, 1586. *Figuratio Aristotelici Physici auditus*. Parisiis, ex Typographia Petri Cheuillot.
- Iordani Bruni Nolani, 1889. *Opera Latine conscripta. Vol. I. Pars IV*. Florentiae, Le Monnier.
- Iordani Bruni Nolani, 1891. *Opera Latine conscripta. Vol. III*. Florentiae, Le Monnier.
- Bruno G., 1964. *Praelectiones geometricae e Ars deformationum*. Roma, Edizioni di storia e letteratura.
- Cicero M.T., 1922. *Academicorum reliquiae cum Lucullo*. Leipzig, Teubner. URL: <https://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus%3Atext%3A2007.01.0033%3Asection%3D1>
- Figuratio Aristotelici Physici auditus. About This Item*. URL: <https://www.abebooks.com/Figuratio-Aristotelici-Physici-auditus-illustrem-admodum/30115173965/bd>
- Matteoli M., 2015. La Figuratio Aristotelici Physici auditus di Giordano Bruno: luoghi e immagini per una nuova Fisica di Aristotele. *Rinascimento*, vol. 55, pp. 331-362.
- Tocco F., 1889. *Le opere latine di Giordano Bruno esposte e confrontate con le italiane*. Firenze, Le Monnier.
- Zaffino V., 2015. Giordano Bruno lettore della "Fisica" di Aristotele. *Rivista di Filosofia Neo-Scolastica*, vol. 107, no. 4, pp. 853-866.

Information About the Author

Lev I. Titlin, Candidate of Sciences (Philosophy), Senior Researcher, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Goncharnaya St, 12, Bld. 1, 109240 Moscow, Russian Federation, titlus@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2625-8483>

Информация об авторе

Лев Игоревич Титлин, кандидат философских наук, старший научный сотрудник, Институт философии РАН, ул. Гончарная, 12, стр. 1, 109240 г. Москва, Российская Федерация, titlus@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2625-8483>